

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕЙТРАЛИТЕТЕ 1926 г.

Д.А. Мигун (Минск)

24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о согласовании всех вопросов политического и экономического характера, касающихся обеих стран, в дальнейшем получивший определение как договор о нейтралитете [8, с. 9]. Условия и текст данного договора выработывались в очень сложных и не простых переговорах. В итоге это стало политическим соглашением между двумя странами [7, с. 170–180].

В секретной телеграмме Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову «О подписании и публикации договора о нейтралитете с Германией» № 3266 от 23 апреля сообщалось о том, что «подписываем договор в субботу 24-го в 12 час. дня. По подписании его телеграфирую клером, успеете получать эту телеграмму еще до вечернего заседания. Текст, вероятно, остается неизменным. Извещение о факте подписания появится здесь в воскресных газетах. Немцы не возражают против оглашения дословного текста на пленуме ЦИКа, но просят не публиковать его в печати раньше вторника, так как в понедельник комиссия по иностранным делам и им неудобно появление текста в печати до официального сообщения его правительству и комиссии рейхстага. Если на заседании ЦИКа будут иностранные журналисты, надо чтобы они не телеграфировали своим редакциям полного текста договора до его официального опубликования» [5, с. 894–895].

Выступая по радио после подписания договора, министр иностранных дел Густав Штресеман заявил: «Берлинский договор не является случайностью. Он заключен между двумя дружественными державами и их народами. Договор построен на основе дружбы и мира между Германией и Россией» [8, с. 9]. Со стороны Советского Союза его подписал полпред Н. Крестинский, а Германии – министр иностранных дел Густав Штресеман. В преамбуле говорилось о том, что «германское правительство и правительство СССР, руководимые желанием сделать все, что может способствовать сохранению всеобщего мира, и будучи убежденными, что интересы германского народа и народов СССР требуют постоянного, основанного на полном доверии, сотрудничества, согласились закрепить существующие между ними дружеские отношения заключением особого договора» [1, с. 54].

Договор исходил из того, что «в основе взаимоотношений между СССР и Германией остается Рапальский договор». Правительства обязывались «поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся одинаково обеих стран» [1, с. 55]. Статья 2 договора гласила: «Если, вопреки своему мирному поведению, одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» [1, с. 55]. В статье 3 указывалось на то, что «ни одна договаривающаяся сторона не будет примыкать к коалиции третьих держав с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон» [1, с. 55].

Заключение данного договора также сопровождалось обменом нотами, которые являлись составной частью договора. В ноте германского министра иностранных дел на имя полномочного представителя СССР в Германии указывалось, что «обе стороны обсудили в духе необходимости сохранения всеобщего мира принципиальные вопросы, связанные со вступлением Германии в Лигу наций» [1, с. 55–56]. «Германское правительство убеждено, – говорилось в ноте, – что принадлежность Германии к Лиге наций не может быть препятствием к дружественному развитию отношений между Германией и СССР. Если бы, вопреки этому, чего германское правительство не допускает, в среде Лиги наций возникли когда-либо стремления, которые в противоречии с этой основной идеей мира были бы односторонне направлены против СССР, германское правительство будет со всей энергией противодействовать таким стремлениям» [1, с. 55–56]. Германское правительство заявляло, что «вопрос о применении санкций против СССР мог бы встать лишь в том случае, если бы СССР начал наступательную войну против третьей державы. Оно отмечало, что определение того, является ли СССР нападающей стороной, может быть произведено только с согласия Германии» [1, с. 55–56]. «Необоснованное обвинение, – указывалось в ноте, – не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании ст. 16» [1, с. 56]. Такое заявление германского правительства давало определенные надежды, что Германия не будет вовлечена в антисоветскую политику Лиги наций. В 1926 г. СССР впервые получил в Германии сравнительно долгосрочный заем в сумме 300 млн марок. Он был предоставлен банками и частично гарантирован германским правительством, что имело немаловажное значение [3, с. 229]. Таким образом, новое политическое соглашение между Советским Союзом и Германией на базе дальнейшего развития рапалльской политики способствовало росту экономического сотрудничества обоих государств.

В 1929 г. в СССР прибыл новый германский посол. Во всебелорусской ежедневной газете «Рабочий», издававшейся от ЦК КП(б)Б и ЦСПСБ, в номере от 8 января 1929 г. под названием «Приезд германского посла господина фон-Дирксена в СССР» сообщалось, что «вчера ночью из Берлина в Москву через станцию Негорелое проехал вновь назначенный германский посол в Москве господин Герберт фон Дирксен. Из Москвы для встречи посла на станцию Негорелое прибыл секретарь германского посольства господин Енке. Вместе с послом в Москву проехали ряд новых сотрудников посольства» [6].

На станции Негорелое состоялась беседа специального корреспондента газеты «Рабочий» с господином послом. Господин Герберт фон Дирксен сообщил, что он с радостью принял поручение своего правительства занять пост германского посла в Москве [6]. Он также заявил в интервью специальному корреспонденту, что имеет большой опыт дипломатической службы. Ранее он занимал руководящие посты в восточном отделе германского министерства иностранных дел уже в течение ряда лет и имел возможность активно работать над развитием и углублением дружественных отношений между Германией и СССР. В 1925 г.

он был председателем торговой делегации, которая проводила переговоры с СССР. Далее он сообщил, что «это сознание еще больше укрепилось во мне на основании теплых отзывов советской печати по поводу моего назначения. Я приступаю к исполнению своей высокой и ответственной задачи в твердой надежде на то, что сумею работать на благо германского народа и народов СССР. При этом я убежден, что атмосфера взаимного доверия и понимания между советским правительством и германским, созданная деятельностью моего предшественника, безвременно скончавшегося графа Брокдорф-Ранцау, равно как и личные отношения, связывающие меня уже давно с руководящими государственными деятелями СССР, облегчат мне успешное выполнение этой задачи» [6].

Однако, как отмечает российский историк П.В. Макаренко, «с включением Германии, а затем и СССР в мировую политику обе стороны получили возможность использовать альтернативных партнеров и начали переосмысление двусторонних отношений не только в военной, но и в политической и торгово-экономической сферах. Сугубо прагматический подход Берлина и Москвы к обоюдному сотрудничеству ставил под вопрос судьбу курса Рапалло, который к 1933 г. стал терять для обеих сторон свою политическую и практическую значимость» [4, с. 124].

На страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) – газеты «Звезда», в номере от 27 июля 1930 г., в статье под названием «Защита завоеваний Октябрьской революции, обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий – вот важнейшие задачи иностранной политики Советского Союза. Беседа товарища Литвинова с иностранными корреспондентами» были четко очерчены задачи внешней политики СССР в начале 30-х гг. XX ст. [2]. Так, Народный Комиссар Иностранных Дел СССР М.М. Литвинов отмечает, что «в капиталистических странах смена членов правительства, и в частности руководителей внешней политики, является в большинстве случаев результатом борьбы политических партий и представляемых ими классовых интересов, а иногда приспособлением к изменившейся внешнеполитической конъюнктуре и даже к внешним влияниям. В стране же диктатуры пролетариата, где рабочие и крестьяне полностью и нераздельно осуществляют свою власть, внешняя политика целиком определяется волей рабоче-крестьянских масс, находящей свое выражение в решениях Советского правительства» [2].

Одной из основных задач советской внешней политики и дипломатии начала 30-х гг. М.М. Литвинов называет «защиту завоеваний Октябрьской революции от внешнего воздействия и вмешательства» [2]. Не менее важной задачей советской дипломатии является обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий и свободы от внешних потрясений. Чем значительнее планы нашего строительства, чем быстрее его темпы, тем больше наша заинтересованность в сохранении мира» [2].

Советскому государству приходится строить социализм в одной стране в окружении капиталистических стран, занимающих 5/6 земного шара. Этот факт нельзя игнорировать и нужно стремиться к изысканию

и осуществлению способов мирного сосуществования обеих социальных систем. Народный Комиссар Иностранных Дел СССР предвидел, что СССР придется и в дальнейшем придется делать величайшие усилия для борьбы с агрессивными стремлениями определенных капиталистических групп, идущих в сторону создания постоянных трений и конфликтов между обеими системами [2].

Далее он указывает на колоссальные противоречия внутри капиталистических стран и на то, что «мирные договоры, завершившие империалистическую войну, наложившие огромные тяготы на одни страны в пользу других, углубили противоречия, проведя глубокую, не поддающуюся стиранию грань между так называемыми странами-победительницами и побежденными» [2].

Очень корректно и дипломатично Народный Комиссар Иностранных Дел СССР М.М. Литвинов высказывается о глубинных противоречиях, заложенных в основу Версальской системы международных отношений и внешнеполитических мероприятий, предпринимаемых в этой связи со стороны СССР. Так он отмечает, что «государства, заинтересованные в увековечении последствий и несправедливостей, воплощенных в упомянутых договорах, одновременно ведут наиболее агрессивную и враждебную политику и в отношении нашего Союза, создалась некоторая общность интересов Советского Союза с пострадавшими от войны государствами. На почве этой общности интересов у Союза возникли с некоторыми из этих государств вполне корректные, нормальные и даже в некоторых случаях дружественные отношения, которые мы и в дальнейшем хотели бы лояльно развивать и укреплять. Не стремясь, однако, к участию в группировках одних государств против других, мы в то же время искренне будем стремиться к установлению одинаковых отношений со всеми государствами, которые этого пожелают» [2]. Здесь он, конечно же, имеет в виду Германию, Рапалльский договор и те отношения, которые сложились между СССР, БССР и Германией после его заключения.

Советское руководство выражает желание расширять экономическое сотрудничество с другими государствами. Однако здесь, как отмечает М.М. Литвинов, «мы встречаемся с противоположными стремлениями отдельных враждебных капиталистических групп, ведущих кампанию за срыв экономических связей с нашим Союзом. Их усилия направлены против всего нашего внешнего товарооборота. Но все эти антисоветские кампании обречены на полную неудачу, ибо в конечном счете они должны ударить не только по нашим интересам, но еще в большей мере по интересам тех стран, которые к подобным кампаниям присоединились бы» [2].

Как будто бы предвидя скорый приход к власти в Германии и других странах Восточной Европы национал-социалистов, М.М. Литвинов отмечает, что «СССР особенно внимательно будет следить за политикой ближайших соседних стран, где за последнее время стало заметно усиление агрессивных и шовинистических движений, создающих большую угрозу делу мира, считая по-прежнему одной из важнейших задач нашей дипломатии укрепление и развитие мирных добрососедских отношений с этими странами» [2].

Источники и литература:

1. Внешняя политика СССР : сб. док.: в 5 т. / редкол.: Б. Штейн (гл. ред.) [и др.]. – М.: Высш. партийн. шк. при ЦК ВКП(б). Каб. соц.-экон. наук, 1944–1946. – Т. 3: 1925–1934 гг. – 1945. – 802 с.
2. Защита завоеваний Октябрьской революции, обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий – вот важнейшие задачи иностранной политики Советского Союза. Беседа товарища Литвинова с иностранными корреспондентами // Звезда. – 1930. – 27 июля. – С. 1.
3. История внешней политики СССР. 1917–1985: в 2 т. / под ред. А.А. Громыко. – 5-е изд. – М.: Наука, 1976. – Т. 1 : 1917–1945 гг. / ред. А.А. Громыко [и др.]. – 536 с.
4. Макаренко, П.В. Зигзаги курса Рапалло после заключения Берлинского договора / П.В. Макаренко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – С. 119–125.
5. Москва-Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – Т. 1 : 1920–1926. – 1031 с.
6. Приезд германского посла господина фон-Дирксена в СССР // Рабочий. – 1929. – 8 янв. – С. 5.
7. Трухнов, Г.М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.) / Г.М. Трухнов. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1979. – 184 с.
8. Трухнов, Г.М. Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.) / Г.М. Трухнов. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1982. – 216 с.

**ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ
СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В 1920–1930-е гг.**

И.В. Жилинская (Минск)

Отсутствие дипломатических отношений и коммуникативной инфраструктуры СССР с большинством стран мира в первой половине 1920-х гг. явились причиной появления информационного вакуума в зарубежных странах в отношении Советского Союза, что повлекло за собой рождение множества мифов. В такой ситуации руководство СССР стало искать каналы распространения информации о стране, создания ее положительного имиджа. С этой точки зрения культура явилась наиболее действенным фактором, т.к. она является нейтральной в политическом отношении и практически не содержит негативных аспектов. К середине 20-х гг. руководство Советского Союза начинает четко осознавать компенсаторную функцию культуры в международных отношениях, вырабатывать стратегию ее использования в своей внешней политике. С другой стороны, в 20-е – первой половине 30-х гг. отмечается значительный рост интереса к СССР в среде зарубежной интеллигенции, связанный в первую очередь, со стремлением найти идеал социально-экономического устройства, позже с популярностью внешнеполитического курса СССР, направленного на реальное сопротивление возраставшей гитлеровской агрессии. В такой ситуации использование информационных каналов для продвижения советской культуры и культурной дипломатии за рубежом являлось действенным инструментарием создания благоприятного имиджа СССР за рубежом, в первую очередь, на Западе.

Основными формами информационной работы являлись подготовка информационных статей и посылка их за границу для публикации в зарубежных изданиях, переписка с отдельными лицами и снабжение их информацией